

АНАЛИТИКА СЮЖЕТА

УДК 82

Н. А. Непомнящих

Новосибирск, Россия

СЕМИОТИКА ЧИСЕЛ В РАССКАЗЕ Л. М. ЛЕОНОВА «ДЕЯНИЯ АЗЛАЗИВОНА»: ИСТОЧНИКИ И СЕМАНТИКА

Числовая символика в рассказе «Деяния Азлазивона» проявляется на разных уровнях, для композиции важен троекратный повтор значимых событий, а принцип «трижды и на четвертый раз» заложен в структуре составляющих повествование эпизодов. Число «3», имеющее особую окраску в мифологической, фольклорной (особенно в сказочной и заговорной) традиции и одновременно играющее особую роль в христианской культуре, становится важным в календарной хронологии рассказа. Даты народного и церковного календаря служат связками, позволяющими свободно переходить от одного события к другому, однако они носят неслучайный характер, а всегда маркированы значением того праздника, число которого фиксируют или именем святого, на день памяти которого приходится дата. Числа играют также роль универсалий, переводящих план повествования из разряда бытового и единичного случая в план вечного и повторяющегося.

Ключевые слова: семиотика чисел, символика числа три, творчество Л. М. Леонова, литература 1920-х годов, русская литература XX века.

Числа издавна служили не только для исчисления и счета, им приписывалось мистическое содержание, в них видели тайные знаки, и потому различных толкований численной символики много, а истоки приписываемых числам значений уходят корнями в фольклор, мифологию, в самые ранние, первоначальные представления человека о мироздании. Отголоски архаичной численной символики живы в современных культурах, а накопленный веками ее семиотический потенциал активно вовлечен в жизнь искусства. Изучению функции чисел в произведениях художественной литературы уделено немало внимания. На символику числа в текстах Л. М. Леонова впервые обратила внимание Л. П. Якимова. Особенно подробно ею проанализировано значение чисел 3 и 9 в романе «Пирамида». Так, она отметила тот факт, что в названиях трех частей «Загадка», «Забава» и «Западня» буква «з» становится эквивалентом тройки, из сложения которых образуется число «9» [1, с. 238–239]. Один из первых рассказов писателя, «Деяния Азлазиво-

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alkat@ngs.ru; +7 (383) 330 47 72)

Сюжетология и сюжетология. 2014. № 2. С. 22–28.
© Н. А. Непомнящих, 2014

на» демонстрирует не меньшую привязанность к числу 3, к его числовым комбинациям, и в целом к принципам числовой организации.

Рассказ начинается с упоминания числительного: «На средину нескончаемого бора пришел *шесть*¹ годов назад о дождящую осеннюю пору рослый детина, нестарый мужик, Ипат» [2, с. 57]. Здесь же заключена некоторая логическая ошибка, возможно, «недогляд автора»: в самом начале рассказа сообщено, что Ипат *пришел* на это место 6 лет назад, а в финале сообщается о том, что уже шестой год, как *сгорел* ипатов скит: «по здешним местам пятый молодняк состарился». Получается, что «на шесть лет назад» приходится конец скита, а не начало, когда Ипат «пришел» со своими «ребятами» и когда «с ними тогда случай случился», после которого Ипат и подался из разбойников в монахи. Если сосчитать все авторские хронологические указания в тексте рассказа, получится, что скит сгорает на 9-м году от своего основания. Ошибка вряд ли имеет какое-то семиотическое значение и связана скорее всего с тем, что финал рассказа менялся, а начало так и осталось прежним². Разбойники в первом варианте спасаются и оказываются в райском саду, а во втором варианте погибают в огне, и остается на месте скита гарь, зарастающая молодняком. К сожалению, по ряду причин ни рукопись рассказа, ни его авторизованная машинопись недоступны для исследователя и все наблюдения и выводы приходится основывать на публикации рассказа в журнале «Наше наследие» (2001. № 58).

Почему для финала важно именно упоминание числительного 5, догадался З. Прилепин: «...Ноне-то по тем местам пятый молодняк сустарился». Если под молодняком понимать природный цикл, когда неизбежный холод уносит состарившуюся зелень, то видится смысл совсем прозрачный. Рассказ написан в декабре 1921 года, когда только «пятый молодняк» был унесен стужей. Четвертый исчез в 1920-м. Третий – в 1919-м. Второй – 1918 году. А бесовский смерч пришелся на осень 1917-го» [3, с. 101]. Рассказ многими сразу после публикации был воспринят как притча о революции³ и к тому есть все основания.

Это рассказ о построении мира, о неудачной попытке перейти из хаоса разгульной разбойной жизни в сакральное упорядоченное пространство веры. Покровитель лесного пространства, преподобный Нифонт, отрекся от новоиспеченных монахов, а без него, самостоятельно, выстоять им оказывается невозможно. Рассказ заканчивается грандиозным пожаром, концом «малого» мира бывших разбойников. Но в масштабе «большого» мира наступает новый цикл («пятый молодняк сустарился»), т. е. космическая жизнь продолжается. Модель гибели мира в масштабе одной деревни, в судьбе которой аллегорически прочитывается гибель всей России, дана чуть позже в повести «Петушихинский пролом». В деревне Петушихе, о строительстве и появлении которой сперва рассказывается эпически, как о творении мира, после революции происходят неслыханные события: приезжают какие-то новые люди, «большаки», закрывают церковь, разоряют мощи святого Пафнутия – покровителя деревни и окрестных мест. После разорения мощей местночтимого святого вся деревня гибнет. В «Деяниях Азлазивона» дан прообраз этой сюжетной ситуации. От разбойников, создающих свой новый мир – скит, отрекается святой Нифонт, покровитель бора, где они живут, Нифонт уходит из этих привычных разбойникам мест, поставив атаману условие продержаться без него 10 лет. Появившийся впервые в «Деяниях Азлазивона» мотив ос-

¹ Курсив здесь и далее наш. – Н. Н.

² На замену финала указывает Н. Л. Леонова в предисловии к журнальной публикации.

³ Трубачев А. О рассказе Л. М. Леонова «Деяния Азлазивона» // Наше наследие. 2001. № 58. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5809.php> (дата обращения 20.06.2013).

тавления святым без покровительства повторен в «Петушихинском проломе»: святой Пафнутий уходит с иконы, именно после этого наступает всеобщий мор и Петушиха погибает целиком. В «Пирамиде» мотив ухода святого, оставления без своего покровительства и защиты перерастает в мотив богооставленности, который одним из главных героев, отцом Матвеем Лоскутовым, осмысливается как инверсированный: не Бог ушел и отрекся от России и людей в целом, а человечество само добровольно покинуло Бога, ушло от него [4, с. 161].

Число 3 лежит в основе композиции, повторяясь в расставленных организующих повествование хронологических вехах. Так, именно на девятый год происходит гибель скита, а на шестой год приходятся первые три смерти: «Твердый и тихий, правит он (Ипат) всеми двумя двадцатью: Игнат не в счет, а *троим* недочет за те *шесть* годов. *Один* ушел бессаванный в болотную пучину. Другого лесиною придавило, матица сорвалась, как сарай на гумне возводили. *Третий* морозам и волкам ушел навстречу, обуреваемый плотью и скорбью о покинутом прекрасном мире» [2, с. 64]. Троекратные повторы симметричны: трижды Нифонт является Ипату, а на четвертый отрекается от него. После рассказа о третьем явлении Нифонта, Ипат повторяет: «Я, Гарась, *три* ночи маюсь, для *четвертой* во мне и места нет. Сзывай робят в круг!» [2, с. 58]. Трижды бесы обращаются к Велиару с просьбой испытать новоиспеченных монахов, а на четвертый раз скит сгорает в огне. Трехчастный принцип композиции настоятельно подчеркивается, числительные «три» и «четыре» буквально повсюду, даже там, где они дополнительно не семантизированы, а лишь усиливают, отражают, как капля, в малом общий принцип. Когда начинают строить скит, опять звучит та же деталь: «День-другой, кельи рядками повывросли. *Третий-четвертый* – частокол...» [2, с. 61]. Никифорпорченный, не распознав ложного видения и приняв бесов за ангелов, «...поклонился им *трижды* и *четырежды* от усердия своего» [2, с. 67].

В. Топоров заметил, что о романе А. И. Гончарова «Обломов» «синтагматическая последовательность 3 & 4» является «характерной» и повторяется 25 раз: «Гончаров формализует некоторые архаичные ходы, снимая прежнюю отмеченность числа три, присущую ему в мифопоэтических текстах, и нейтрализуя его (вообще создается ситуация своего рода “фантомности”: часто встречающиеся числа тяготеют к “содержательной” пустоте, ирреальности, а редко встречающимися числами вообще можно – с известным основанием – пренебречь). Вместе с тем автор строит, опираясь на это число (три), довольно длинные автоматизированные инерционные цепи, которые можно воспринимать как своего рода небрежность (неразнообразие средств). Но именно на этом пути воссоздается та стихия монотонности, однообразия и дремотности, которая так важна в романе Гончарова. Сравнение с другими романами этого же автора дает веские основания для того, чтобы настаивать на известной продуманности числовых структур в “Обломове”» [5, с. 83–84]. Регулярная повторяемость синтагмы «*3 раза* и на *четвёртый*» в леоновском тексте также ставит вопрос о её неслучайном характере.

Семиотика числа *три* наиболее архаичная и древняя: «...число 3 – идеальная модель любого динамического процесса, предполагающего возникновение, развитие, упадок и реализующегося, в частности, в вертикальной структуре Вселенной», а «соединение обеих структур (3 + 4 в числовом выражении) образует “сумму мира”» [5, с. 79]. В заговорах, загадках, других фольклорных жанрах наиболее частотными являются число 3 и кратные ему, что связано как с их особой семантизацией, так и с определенной формульностью, клишированностью, предназначением «расчленять и упорядочивать любые хаотические совокупности» [6, с. 194].

Композиция «Деяний...» строится словно по принципу троичной редупликации. Троекратный повтор воспроизводится и в большом, и в малом: рассказ условно разделяется на три части (убийство купца – основание скита и жизнь в нем – гибель скита), укладываясь в 9 лет: 3 + 3 + 3. То же и в масштабе отдельных эпизодов, на которые членится рассказ: троекратное явление Нифонта Ипату предшествует постройке скита, трижды бесы приходят к Велиару с просьбою «попалить» Сысоеву обитель, трижды Никифор кланяется бесам, три ряда частокола возводят вокруг обители и т. д. Решающие события происходят именно на четвертый раз. Причем интенсивность их нарастает к финалу. Если сперва, когда разбойники только приступают к постройке, к ним приходят и пакостят сугубо мелкие бесы, скидывающиеся «черным мышем», пнем, то далее, по мере развития событий, каждый раз ранг и чин inferнальных персонажей повышается, некоторые придуманы автором, некоторые известны: Рогатица, Гордоус, бес Азлазивон и в финале сам верховный предводитель их полчищ, Велиар. По мере развития действия повышается и накал борьбы, увеличивается масштаб происходящих в скиту бедствий.

Троичная структура композиции насковзь ассоциативна: с одной стороны, ощутимы отсылки к мифологической, фольклорно-сказочной и заговорной традиции, для которых характерны троичные повторы, частотное употребление числа 3 и производных от него, с другой – текст буквально пронизан богатой христианской символикой, связанной с особой сакрализацией числа 3 в христианской традиции. Праздник, который имеет самостоятельное значение, не только числовое, в контексте рассказа – это Троица, один из важнейших христианских праздников. Святая Троица символизирует триединство Бога, а шумное сошествие на апостолов Святого Духа в виде огненных языков является тем памятным событием, которое легло в основу праздника: «...внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2: 2–4). Сам Троицын день в тексте не назван, но есть указание на то, что «в пятницу о Духовом дне», т. е. сразу после Троицы, через три дня после Духова дня, на четвертый, сам князь бесов Азлазивон был заключен в кадь пекарем Петром, а через неделю сожжен скит: «А в пятницу другой недели приступили бесы к самому Велиару (...) Сказал Велиар: “Иду туда. Прекращу лунный бег, расколю землю надвое, попалю их! (...) Видано было Филофеем в тот вечер знаменье над скитом: в облачном кругу змей *триглавый*”» [2, с. 77]. Змей, да еще и трехглавый, традиционно символизирует в христианской традиции силы зла. Если он появляется в видении героя вместо Святой Троицы – не жди ничего доброго.

«Число три во многих мифопоэтических традициях – основная числовая константа вертикальной структуры мира – верхнего (Небо), среднего (Земля), нижнего (Подземное царство). Эта структура “разрывает” тему целостности как синтеза всего предельно противоположного, и смысл Земли в посильном примирении крайностей» [6, с. 208]. Для христианского мировоззрения важны те же принципы мироустройства, издревле известные и сохраняющиеся в мировосприятии людей до сих пор. Автор исследования житийных традиций в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор», наблюдая за тем, «как авторское сознание модифицирует и применяет каноны древнерусского жития в своём произведении», приходит к выводу, что «художественное пространство рассказа “Матренин двор” А. И. Солженицына по своей структуре близко строению мира христианского: оно включает в себя три уровня – inferнальный, земной и небесный, духовный» [7, с. 25]. Особенность рассказа Леонова в том, что при наличии в рассказе четкой верти-

кальной ориентированности трехчастной структуры мира его героям третий, духовный, небесный уровень совсем неведом. Они не смогли его прозреть, так и оставшись на уровне инфернальном и частью земном. Искушения, данные им, они окончательно преодолеть не могут. Все их действия и интересы лежат в земной сфере, недаром в рассказе совсем не упоминается слово «Бог». Важнейшая составляющая спасения бывших разбойников – покаяние – так и не состоялось.

Именно поэтому, хотя финальные события рассказа хронологически приходятся на время после Троицы, весь смысл происходящего никак не согласуется с ее привычной символикой. Огонь, сходящий на скит в образе лесного пожара, отнюдь не схождение Святого Духа, он насылается самим Велиаром: «А на бору предсмертно деревья хрипят и лопаются, свиваясь, – точно сучит их кто проворными нездешними перстами. Вьюнцом шестокрылым вползает в небо душный серый дым. Лихо огненное идет, а впереди четыре черных бури метут путь Велиару (...) Полетели с бору головни, чертя ночь огнем, занялась колоколенка огнем, Сысоева. Летят, что стрелы, головни, и темные, острые на них... Вот головешка одна в колоколец самой двинулась, и закачался бессильным плачем колокольный язык, Сысоева сердца покаянная медь. Ввалилось сонмище на скитской двор, поднялся гомон, скок, свищ и плищ. Вот один, хвост винтом, уголье в пригоршнях по кельям разносит, а другой, спина корытом, на колодезный журавель влез и в колодезь пакостит, а третий-то сам Гордоус. Келейки уж огнем неугасимым зашлись, а над овином топочет в поганом плясе рыжий дед, соломенный огонь» [2, с. 79]. Всё сгорает в беспощадном огне.

Апокалиптические аллюзии, появляющиеся здесь, впоследствии развернутся в авторскую систему огненных знаков, сквозных для всего творчества Леонова, завершив в «Пирамиде» сюжет о гибели человечества. Мотивы пожара, смерти монахов в огне, соединяясь с числовой символикой, обнаруживают житийные параллели: число ушедших за Ипатом разбойников – 26, 26 марта по старому стилю память 26-ти мучеников Готских, сожженных «при готском царе Унгерихе в царствование римских императоров Юлиана, Валентиниана и Грациана» [8, с. 500]. Мученики были сожжены за приверженность христианской вере в храме, в котором они находились. Ср. у апостола Павла: «Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится; ибо день покажет; потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3: 12–15). Именно таково чудо, произошедшее с Саввой Освещенным, – он, шагнувши в горящую печь, остался невредим, что свидетельствует о силе его веры и мере праведности. Та же метафорика звучит в поучении о священстве: «Дерзновенно подойдя под иго Священства, право твори пути свои и право правь слово истины, со страхом и трепетом творя этим свое спасение. Ибо Бог наш есть Огонь поядающий, и если ты коснешься Его как золото или серебро, то не бойся сожжения, подобно вавилонским отрокам в печи. Если же ты из травы и тростника – из горючего вещества, как мудрствующий о земном, то бойся, чтобы не сжег тебя Небесный Огонь» [9, с. 53]. Первоначальная концовка рассказа словно предполагала буквальное следование апостольскому слову и всей христианской аллегорике – разбойники должны были «как бы спастись из огня», однако писатель в итоге изменил финал.

Числа, в изобилии рассыпанные по рассказу, служат также связками: переход от одной даты календаря к другой позволяет свободно перемещаться от события к событию, объединяя отдельные эпизоды в целостный рассказ, однако сами даты носят не случайный характер, а всегда маркированы значением того праздника, число которого фиксируют или именем святого, на день памяти которого прихо-

дится дата⁴. Будучи частотными, повторяясь, числа становятся лейтмотивами, и в итоге служат той же цели, что и хорошо узнаваемые житийные топосы: они играют роль универсалий, переводящих план повествования из разряда бытового единичного случая в план вечного, надвременного, актуального в своей всечеловеческой сущности. Даты и числа, являясь мерою, служат упорядочиванию действительности, им принадлежит «космизирующая», «миромоделирующая» функция [10, с. 629]. «Деяния Азлазивона» претендуют на создание модели нового мира дважды: во-первых, в широком значении таково само художественное произведение – особый замкнутый в себе и одновременно открытый для истолкований искусственно созданный мир. Во-вторых, в самом рассказе изображена попытка разбойников построить для себя прибежище, совершенно иной, противоположный всей их предшествующей жизни, мир: сперва им приходится выделить и сакрализовать часть пространства внутри бора (поставлен крест, затем выстроен скит и огорожен высоким частоколом), после они вынуждены подчинить свою жизнь полагающимся церковным правилам, монастырскому уставу (в рассказе упоминаются службы, бдения, моления, пост и т. д.). Судьба рассказа, как и судьба его героев, оказалась трагична: рассказ положен в особую папку, «в стол», и смог увидеть свет лишь в 2001 г., спустя 80 лет после создания. Но даже теперь этот бесценный рассказ, созданный писателем как автографированная книга, написанный стилизованным под древнерусское письмо шрифтом и снабженный великолепными иллюстрациями, не передан ни в один из архивов и в рукописи не доступен для исследователей, что отсекает возможность анализа текстологических изменений при перепечатке (издан рассказ по более поздней авторизованной машинписи), кроме того у исследователей нет возможности изучить в полном объеме изобразительный, иллюстративный ряд, составляющий, как нам представляется, единое целое с текстом.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении опубликованного текста рассказа свидетельствует, что числовая символика и семиотика играют важнейшую художественную роль в поэтике писателя начиная с самых первых литературных опытов. Л. М. Леонов, по-видимому, прекрасно знал и ощущал глубинные традиции, связанные со знаковой природой чисел, и использовал их в «Деяниях Азлазивона» как лаконичное и в то же время семиотически мощно «нагруженное» художественное средство. Числа и даты церковного и народного календаря служат не столько для внешней стилизации житийного слога, помогая соблюдать или инверсивно трансформировать агиографические образцы и каноны, сколько являются способом сказать «авторское» слово, облекая личностное суждение о злободневном в значения, уходящие корнями в глубь веков, тем самым превращая авторский рассказ в притчу, говорящую на языке универсалий о вечной борьбе Добра и Зла.

Список литературы

1. *Якимова Л. П.* Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида». Новосибирск, 2003.
2. *Леонов Л. М.* Деяния Азлазивона // Леонов Л. М. Собр. соч.: В 6 т. М., 2013. Т. 1.

⁴ Подробнее о сюжетных параллелях, общих мотивах с житиями Нифонта Кипрского, Симеона-столпника и др., их значениях см.: *Непомнящих Н. А.* «Деяния Азлазивона» Л. М. Леонова: агиографический сюжет и жанр в авторской интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 110–116.

Аналитика сюжета

3. *Прилепин З.* Леонид Леонов. «Игра его была огромна...». М., 2012.
4. *Непомнящих Н. А.* Мотив шестивия человечества в романах Л. М. Леонова // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2.
5. *Топоров В.* Число и текст // Структура текста. М., 1981.
6. *Топоров В.* Числовой код в заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005.
7. *Шунков А. В.* Житийные традиции в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» // Мир науки, искусства и образования. 2011. № 2 (27).
8. Память 26 мучеников готских // Жития святых Дмитрия Ростовского: В 12 т. М., 1903–1911. Т. 7.
9. Преподобный Феогност. О священстве // Добротолюбие: В 5 т. Сретенский монастырь, 2010. Т. 3.
10. *Топоров В.* Числа // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.

N. A. Nepomnyaschikh

Novosibirsk, Russian Federation

NUMERAL SEMIOTICS IN L. V. LEONOV'S NARRATIVE «ACTS OF AZELEZIVON» («DEYANIYA AZLAZIVONA»): SOURSES AND SEMANTICS

Numeral semiotics is of great importance in L. M. Leonov's works. Numerical symbolism in the narrative «Acts of Azelezivon» («*Deyaniya Azlazivona*») is present at different levels. It is important for the composition that the significant events are thrice-repeated. The threefold design is present in the whole narrative and in its separate episodes. The dates of the folk and church calendars serve as links helping to switch from one event to another with ease. However, the dates are marked with the meaning of the holiday they indicate or with the names of the relevant saints. The semantics of number 3 is discussed in detail. The threefold structure of the composition determines the sequence of the events in the narrative. The sources of such composition are mythology, folklore, fairy-tale, and incantation traditions. The text is also steeped in the copious Christian symbolism. The numbers play the role of universals which give to a common single instance the eternal and recurring

Keywords: numeral semiotics, L. M. Leonov's works, Russian Literature of XX century.

Nepomnyaschikh Natalia A. – Institute of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, candidate of philology, a leading scientist of the philology research (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; alkat@ngs.ru; +7 (383) 330 47 72)